

Цзян Чэ не ответил на вопрос Вэй Чунжун, а вместо этого улыбнулся:

— Маленький ван, я с твоим отцом хорошие друзья, тебе не нужно всё время называть меня ваном Юнъань, ты можешь просто...

Он вдруг замолчал, словно вспомнив что-то важное.

Заметив, что Цзян Чэ уклоняется от прямого ответа, Вэй Чунжун сразу понял, что давно мучившая его болезнь сердца, возможно, уже даёт о себе знать. Тем не менее он улыбнулся и ответил:

— Тогда и ты не называй меня маленьким ваном. Отец зовёт меня Жунъэр, дядя Цзян.

— Жунъэр...

Цзян Чэ замер, медленно произнеся это имя. Черты лица Вэй Чунжун не сильно походили на Вэй Чжао, только рот и нос были немного схожи. Но больше всего он напоминал отца своим характером. Глядя на него сейчас, Цзян Чэ словно видел маленького Вэй Чжао.

Цзян Чэ избегал темы своей болезни, и Вэй Чунжун не стал настаивать. Вместо этого они заговорили о Вэй Чжао, и разговор получился очень душевным.

Цзян Чэ больше всего хотел узнать о жизни Вэй Чжао в Фуюй, но Вэй Чунжун оказался умён — он умело уходил от прямых ответов, зато рассказал много забавных историй из детства отца.

Гордый Вэй Чжао ради Цзян Чэ мог принять пилюлю Суюнь, а спокойный Цзян Чэ ради Вэй Чжао мог отказаться от женитьбы на всю жизнь. Вэй Чунжун не хотел их сводить, но он считал, что таким двум людям, как они, пытаться быть просто друзьями было бы очень мучительно.

Вскоре Вэй Чжао вышел из комнаты Дуаньму Хуэй и увидел, как Вэй Чунжун лежит на коленях у Цзян Чэ, и они весело болтают.

Вэй Чжао, стоя у двери, громко позвал:

— Жунъэр, разве я не запрещал тебе шалить?

Его брови слегка нахмурились, выражение лица стало недовольным.

Вэй Чунжун поднял голову и возразил:

— Я не шалил, я разговаривал с дядей Цзян.

Он посмотрел на Цзян Чэ, ожидая, что тот его поддержит.

Услышав, как Вэй Чунжун называет Цзян Чэ «дядей», бровь Вэй Чжао дернулась, но он не стал поправлять. Пусть будет дядя, всё равно они не родственники, и ошибка не так уж важна.

Цзян Чэ встал и мягко сказал:

— Ачжао, ты неправильно понял. Жунъэр не мешал мне, это я первым заговорил с ним.

Вэй Чунжун энергично закивал, показывая, что это не его вина.

Вэй Чжао поднял бровь, его выражение стало сомнительным. Вэй Чунжун бросился к нему, взял за руку и спросил:

— Что сказал господин Дуаньму? Он прописал тебе лекарство? Если ты примешь его, болезнь отца пройдет?

Вэй Чжао слегка кивнул. Вэй Чунжун, из-за своего роста, не мог видеть выражения лица отца, но Цзян Чэ не пропустил мгновенное замешательство в его глазах.

— Ачжао, с тех пор как ты открыл свою резиденцию, я ещё не был у тебя в гостях. Лучший день — сегодня. Не возражаешь? — Цзян Чэ говорил спокойно, но его слова не оставляли Вэй Чжао возможности отказаться.

Не дожидаясь окончания фразы, Вэй Чжао сразу ответил:

— У меня нет никаких дел, я свободен в любое время. Если у тебя есть время, можешь придти в любой момент.

У Цзян Чэ были вопросы к нему, и у него самого были вещи, которые он хотел обсудить. Лучше всё выяснить сразу.

Вернувшись в резиденцию, Вэй Чжао повёл Цзян Чэ в кабинет. Вэй Чунжун хотел последовать за ними, но Вэй Чжао строго приказал ему остаться во дворе, поручив Ланьшан и Цзыша следить за ним, чтобы он не смог выйти за пределы двора, не говоря уже о том, чтобы подслушивать.

Вэй Чунжун с сожалением отправился в свой маленький кабинет, сел за стол и начал выполнять домашнее задание, заданное учителем.

В кабинете Вэй Чжао Цзян Чэ первым делом увидел семиструнный цинь, стоявший на столе у окна.

Этот цинь не был известным инструментом, его материал был простым, а работа грубой. На фоне изысканного стола из красного сандалового дерева он выглядел ещё более неказистым.

Цзян Чэ молчал несколько мгновений, а затем тихо произнёс:

— Ачжао, ты всё ещё хранишь этот цинь? Я думал, ты давно его выбросил...

Вэй Чжао улыбнулся и мягко ответил:

— То, что ты мне подарил, да ещё и сделанное своими руками, как я могу выбросить? Конечно, я буду его беречь.

Даже если его мастерство игры на цине за последние десять лет не продвинулось ни на шаг.

Цзян Чэ не сдержал улыбки, его память унеслась в далёкое прошлое.

Когда Цзян Чэ делал цинь для Вэй Чжао, он был всего лишь подростком лет десяти, а Вэй Чжао — маленьким мальчишкой, который всё время бегал за ним и шалил.

Вэй Чжао с детства любил оружие и мечи, а читать книги его заставляли только под давлением императора и уговорами наследного принца. Никакие другие искусства, такие как музыка, шахматы или каллиграфия, ему не нравились.

Когда ему было шесть лет, он случайно услышал, как Цзян Чэ играет мелодию «Чансяншоу». Это задело какую-то струну в его сердце, и он вдруг захотел научиться играть на цине.

Это было небольшое дело, и даже не нужно было докладывать императрице. Вэй Мин нанял учителя музыки для младшего брата и подарил ему старинный цинь.

Но Вэй Чжао не понравился этот учитель, и он стал настаивать, чтобы Цзян Чэ научил его играть. Вэй Мин подумал, что это всего лишь каприз, и, поскольку Цзян Чэ тоже учился во дворце, поручил ему эту задачу.

Вэй Чжао явно не имел таланта к музыке. Он учился у Цзян Чэ два года, и единственным результатом стала неуклюжая мелодия «Чансяншоу» и цинь, сделанный руками Цзян Чэ.

Много лет спустя Цзян Чэ и Вэй Чжао стали близки, но он так и не услышал, как Вэй Чжао играет на цине, и не видел этот скромный инструмент, который, казалось, стыдился своего существования.

Теперь, увидев этот цинь снова, Цзян Чэ почувствовал ностальгию и задался вопросом, что же хотел сказать Вэй Чжао, особенно после того, что он сказал в тот день.

Вэй Чжао подошёл к столу и провёл пальцами по струнам. Долго не настроенный цинь издал неуверенные звуки.

Цзян Чэ подошёл к Вэй Чжао и, стоя напротив него через стол, сказал:

— Струны ослабли, нужно настроить, прежде чем играть.

С этими словами он наклонился и начал настраивать цинь.

Вэй Чжао не остановил его, а просто спокойно произнёс:

— Ачэ, ты знаешь, почему я захотел научиться играть на цине?

Цзян Чэ поднял голову, его выражение стало растерянным, затем он снова опустил глаза.

Вэй Чжао продолжил:

— Когда я был совсем маленьким, я слышал, как кто-то играл мелодию «Чансяншоу». Я не разбирался в музыке, но мне казалось, что этот человек играет особенно красиво. Потом тот, кто играл, исчез, а я всё ещё хотел слушать эту мелодию. Я искал учителей музыки во дворце, но, как ни странно, хотя это была одна и та же мелодия, они играли её совсем по-другому. Позже я услышал, как ты играешь «Чансяншоу», и хотя это было не совсем то, но было что-то похожее...

Цзян Чэ вдруг всё понял. Оказывается, Вэй Чжао хотел не научиться играть, а просто найти ту мелодию, которая осталась в его памяти.

Дойдя до этого момента, Вэй Чжао не смог сдержать улыбку:

— Ачэ, тебе, наверное, было очень тяжело учить меня тогда?

Он отлично помнил ту мелодию, но не мог воспроизвести её, и никто другой не мог её сыграть, даже Цзян Чэ, и то лишь однажды и с натяжкой.

Цзян Чэ промолчал, продолжая настраивать струны, уголки его губ слегка приподнялись. Он не был мастером лжи и не хотел расстраивать Вэй Чжао, поэтому молчание было лучшим выходом.

Через мгновение из-под его пальцев полились мягкие звуки циня. Цзян Чэ поднял глаза на Вэй Чжао и спросил:

— Ачжао, всё готово, хочешь попробовать?

Вэй Чжао покачал головой и твёрдо сказал:

— Нет, Жуньэр услышит и будет смеяться надо мной.

В детстве, когда он практиковался, слуги старались держаться как можно дальше. Он хорошо знал свои способности.

Цзян Чэ рассмеялся, подошёл к Вэй Чжао, сел на стул и начал играть «Чансяншоу».

Вэй Чжао отвернулся, глядя на цветы и деревья за окном, его глаза были полны удивления.

Так похоже, действительно так похоже...

Если бы Цзян Чэ не был рядом, Вэй Чжао мог бы подумать, что это тот самый человек играет.

Все эти годы Вэй Чжао не знал, кто был тот, кто играл. Он спрашивал многих — императора, слуг, но все говорили, что он ошибается. Но Вэй Чжао не верил, он точно слышал эту мелодию много раз, как он мог ошибаться? Звуки циня того человека неожиданно приносили успокоение.

Пока Вэй Чжао был погружён в воспоминания, раздался резкий звук — мелодия оборвалась, струна порвалась.

Вэй Чжао очнулся и повернулся к Цзян Чэ. На указательном пальце правой руки того была небольшая рана от струны, из которой сочилась кровь.

Вэй Чжао схватил руку Цзян Чэ и, не задумываясь, взял палец в рот, смывая кровь, как он делал это раньше.

Цзян Чэ замер, не говоря ни слова, словно не ожидая такого поступка от Вэй Чжао.

<http://bllate.org/book/16486/1498178>